

Примеры подобного поведения не единичны в истории Православной Церкви. Патриарх, следовательно, опирался на богатый опыт “печалования” иерархов перед правителями за страну и народ, и его действия (для него самого) естественным образом укладывались в традиционную систему понятий о долге священнослужителя, о норме его отношений между Церковью и государством. Трактовка деятельности Патриарха большевиками как заговорщической вытекала поэтому или из непонимания ее мотивов, или из того и другого вместе. Объективный наблюдатель не может не признать, что забота Тихона о защите справедливости не входила в противоречие с принципом невмешательства в политическую борьбу как фундамента его курса.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать некоторые выводы относительно позиции, занятой Церковью в годы гражданской войны. Подвергаясь преследованиям со стороны большевиков, она, казалось, должна была безоговорочно поддержать белое движение. Но, несмотря на наличие подобных, вполне объяснимых, тенденций у части православных, наиболее значительная часть епископов и духовенства поддержала патриарха Тихона в его стремлении подняться над обеими враждующими сторонами, имея своей целью способствовать установлению гражданского мира в России. Сформулированный в это нелегкое время патриархом Тихоном и развитый его приемниками принцип аполитичности Церкви на долгие годы стал основой ее существования в советском государстве.

Ю. В. Величко, Н. Н. Попов
Уральский государственный университет

Г. К. Жуков в отечественной истории (историография вопроса)

Имя Г. К. Жукова получило широкую известность в связи с событиями 1939 г. в Монголии в районе р.Халхин-Гол, где был дан отпор японским войскам. Во время Отечественной войны 1941–1945 гг. в открытой печати СССР Г. К. Жукову отводилось видное место. В центральных газетах неоднократно печатался его портрет. Материалы с упоминанием его фамилии содержат признание заслуг полководца перед Родиной, Коммунистической партией и Советским правительством. Вместе с тем материалов, посвященных только личности Жукова не публиковалось. Он неизменно упоминается вместе с другими выдающимися советскими маршалами и генералами, самое большее – как первый среди равно-усердных исполнителей воли “вождя всех народов” и Верховного Главнокомандующего Советской Армией. При этом роль Сталина чрезвычайно возвели-

чивалась, а роль полководца принижалась. При всех погрешностях такой трактовки она содержала важный момент истины, выброшенный из литературы после смерти И. В. Сталина на долгие годы. Г. К. Жуков, как и другие советские полководцы, был военачальником сталинской административной системы. Его деятельность зависела от политических решений этой системы и, прежде всего, от самого И. В. Сталина.

Вскоре после окончания войны усилиями официальной пропаганды, при активном участии советских историков роль И. В. Сталина в достижении победы поднимается на недосягаемый пьедестал. Заслуги военачальников в новой интерпретации сводятся к дисциплинированному, точному исполнению приказов Верховного Главнокомандующего. Среди них с 1946 г. Г. К. Жуков не упоминается. Фактически – Жуков в опале.

После смерти И. В. Сталина о маршале начинают писать снова. В период хрущевской “оттепели” он характеризуется как выдающийся, инициативный полководец, сыгравший заметную роль в достижении победы наряду с другими советскими военачальниками под руководством Коммунистической партии – вдохновителя и организатора всех успехов советского народа. Послевоенная деятельность маршала освещалась в газетах весьма фрагментарно и скупо.

Вторичная опала Г. К. Жукова внесла некоторые коррективы в создание его исторического образа. В многотомной и краткой истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. признание заслуг маршала было дополнено указанием на то, что он несет определенную долю ответственности за поражения Красной Армии в 1941 г. как начальник Генерального Штаба. В периодической печати, пропагандистской и учебной литературе отмечалось также, что в конце 50-х гг. Г. К. Жуков, будучи министром обороны СССР, пытался вывести Вооруженные Силы из под политического руководства КПСС.

После смещения Н. С. Хрущева эти обвинения сняты не были. Жуков не был возвращен из фактической отставки. Однако критические замечания в его адрес стали редкими. Маршалу предложили написать мемуары. После основательной переработки и “доработки” анонимных соавторов они были опубликованы и получили благожелательные официальные отзывы.

С 1965 г. тема победы советского народа под мудрым руководством Коммунистической партии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. становится не просто одной из важнейших, но, фактически, главной в советской идеологической, научной и художественной литературе. Достижение этой победы рассматривалось партийно-государственным руководством СССР как самое сильное доказательство преимуществ социализма над капитализмом. Количество и тиражи публикаций о войне выросли в десятки раз. Сверху поощрялось скрупулезное изучение истории войны. Но только ее “положительного” опыта. Правда о войне вполне определен-

но делилась на “нужную”, способствующую формированию и укреплению коммунистических идеалов и “вредную” – колеблющую эти идеалы. От знания последней общество тщательно оберегалось цензурой.

В 1965–1985 гг. деятельность Г. К. Жукова до 1945 г. включительно освещалась часто, причем в одобрительно-восторженных тонах. Образ великого полководца, вышедшего из глубин народа благодаря большевистской революции и социалистическим преобразованиям, стал одним из неперменных символов, служивших апологетике советского общественного строя.

В 12-томной “Истории второй мировой войны”, издававшейся в 70-е гг., немало внимания уделено роли Г. К. Жукова в событиях предвоенного и военного времени. В ней приводятся малоизвестные сведения о его роли в присоединении летом 1940 г. военным путем к СССР принадлежавших тогда Румынии территории Бесарабии и Северной Буковины. Говорится также о том, что Г. К. Жуков в сентябре 1944 г. был направлен на 1-й Белорусский фронт для организации помощи польским повстанцам в Варшаве. Однако осуществить ее не удалось. В целом в этом фундаментальном, но тенденциозном издании отношение к личности и делам Жукова довольно сдержанное.

В 1985–1991 гг. последняя безуспешная попытка руководства КПСС и СССР спасти коммунистический эксперимент путем его реформирования и приспособления к новым реальностям привела к началу радикального пересмотра отечественной истории. Создававшиеся десятилетиями и тщательно оберегавшиеся прежде идеологические стереотипы с конца 80-х гг. стали стремительно разрушаться. Исторический образ Г. К. Жукова вновь меняется. Раньше особо подчеркивалась преданность полководца коммунистическим идеалам. Теперь главные акценты – самородок из народной гущи, патриот Отечества. О маршале появляются специальные биографические исследования. Крупнейший биограф – В. Карпов, собравший и переработавший материалы о всей жизни Г. К. Жукова, включая периоды первой и второй опал.

После краха перестройки, развала СССР и прихода к власти в России “новообращенных” антикоммунистов предпринимаются попытки полностью освободить образ Г. К. Жукова от принадлежности к тоталитарной сталинской и посттоталитарной коммунистической системам. В новом облики маршал выступает как безупречный военный гений, деидеологизированный патриот и прекрасный человек, наделенный одними достоинствами. Роль Г. К. Жукова в войне 1941–1945 гг. по новой официальной версии – самый выдающийся спаситель Отечества (вроде М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г.). Более того, фактически образ Жукова возводится теперь новой официальной пропагандой на пьедестал вместо свергнутых с него образов И. В. Сталина и Коммунистической партии.

Не обошли вниманием нашего полководца и зарубежные историки.

Достаточно полно и объективно показана роль Г. К. Жукова в войне с гитлеровской Германией в книге английского автора А. Верта. Он пишет о его беспокойстве состоянием Красной Армии весной 1941 г., о важной роли Жукова в организации обороны Ленинграда, в сражениях под Смоленском, Москвой, Сталинградом и др. Рассказывая о первой после Победы пресс-конференции полководца в Берлине, А. Верт пишет: “Жуков производил впечатление выдающейся личности... Однако держался он просто и добродушно”.

Положительной трактовке противостоят немногочисленные публикации, иначе оценивающие личность Г. К. Жукова и ее роль в истории. В их числе книги “Ледокол”, “День М” и “Последняя республика” перебежавшего на Запад бывшего советского разведчика В. Б. Резуна, пишущего под псевдонимом “В. Суворов”. По версии В. Суворова Г. К. Жуков не только обладал личными качествами, импонировавшими И. В. Сталину в его полководцах, он военными методами жестко, но талантливо выполнял политическую волю Сталина.

Книга И. Бунича “Лабиринты безумия”, в отличие от “Ледокола” и “Дня М”, не вызвала практически никакой критики. Написана она в столь же обличительном духе, что и книги В. Суворова, и развивает во многом сходную версию истории начального периода второй мировой войны. Однако по уровню убедительности она на порядок ниже. Суворов стремится доказать почти каждое свое утверждение фактами из широко доступных источников. Бунич не утруждает себя доказательствами и ни на что не ссылается.

И. Бунич также оценивает Г. К. Жукова как сталинского маршала. Но, в отличие от В. Суворова, начисто отрицает его военные таланты. В описании Бунича Жуков предстает малообразованным, неотесанным воякой, обладающим, однако, сильной волей и жестокостью, заставляющими подчиненных бояться его больше, чем врага, и побуждающими их к беспрекословному выполнению даже совершенно абсурдных приказов. Автор увлекся настолько, что победа на Халхин-Голе представляется им, по меньшей мере, как необъяснимое чудо.

Таким образом, большая часть литературы о Г. К. Жукове носит односторонний пропагандистско-апологетический характер. Критические оценки присутствуют в очень небольшом числе изданий. Создание реалистического исторического образа маршала – дело будущего.